

16+

Натали Исупова

Баллады и сказки
сборник стихов

Наталья Исупова
Баллады и сказки

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Исупова Н. Л.

Баллады и сказки / Н. Л. Исупова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-0262-0

На страницах этой книги оживают герои мифов и легенд. Вот из тумана выныривает Летучий Голландец, русалки увлекают на дно очарованных странников, а потомки пиратов бороздят просторы космоса. О чем думает Шахерезада, рассказывая сказки халифу? О чем плачет Ярославна? Что бурчит по ночам домовой, забытый в старом доме? О чем поет очарованная флейта Крысолова? Здесь живут ведьмы, колдуньи и вампиры, здесь монахи влюбляются в королев, а королевы в шутов. Это территория волшебных снов и жестоких сказок.

ISBN 978-5-5321-0262-0

© Исупова Н. Л., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Freebooter	5
Небылина	7
Шахерезада	8
Искушение	10
Баллада о старых парусах	12
Домовой	14
Белая Королева	16
Галатей	18
Крысолов	20
Вариации на темы спящих красавиц	22
Ярославна	23
Виллиса (сказка)	24
Песня вольного стрелка	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Freebooter

И сколько б ни страдали без моря капитаны -

Когда ж попутный ветер порвет глухую зыбь?

Потомок флибустьеров, застывший у штурвала,

В метеоритном поле готов на звезды выть.

Пробороздим мы космос, как лоно океана,

И как без моря предкам, так нам без звезд не жить!

Не отрывая взора от сенсора экрана -

Рассчитаны маршруты и карты нечем крыть.

Мы снова подорвемся искать иные страны,

И на других планетах за миллион парсек

Нырнем в гиперпространство, как в бездну океана,

И не покинут крысы наш грузовой отсек.

И на фотонных крыльях, как бриг под парусами,

Помчится звездный флагман, как встарь, на абордаж.

И пусть мой меч не кован, не из булатной стали -

Поверьте, это тот же пиратский антураж.

Пускай в иллюминатор красуется комета,

Здесь нет морских чудовищ, и чайки не галдят.

Я не надеюсь даже, что где-то есть планета,

Где я могу под старость свой обрести очаг.

Что, может, где-то тоже лазурны горизонты...

На берег красной пылью опустится закат.

Ну, может, не собака, а устаревший робот

Меня на трапе встретит и будет встрече рад.

И пусть протез ногами гудит фантомной болью,

И под повязкой черной мутнеет киберглаз -

Нас опьяняет космос своей бескрайней волей,

И греет сердце мыслью, что где-то ждут и нас...

сентябрь 2018г.

Небылина

Было это или не было –
Не проверить ведь никак,
В тридесятом королевстве
Жил да был Иван-дурак...

Дураком прозвали смолоду –
Был чудной немного он,
Только силой богатырскою
Был Иван не обделен.

И как вражье войско черное,
Налетело вороньем
На поля, луга зеленые,
Опалив лихим огнем -
Так за славою былинною
Наш отправился Иван,
Чтоб родная да сторонущка,
Не страдала бы от ран.

Вместе с голью перекатной,
Чтоб удачу попытать,
Взял он нож и меч булатный,
Царскую пополнить рать...
И сражаясь так неистово,
Он громил врагов страны,
Чтобы люди жили счастливо,
Чтобы не было войны.

Кажется победа близкою,
Хоть друзья – все полегли.
Но то с севера, то с запада,
Снова новые враги.
Не засеют поле бранное -
Уж минуло 40 лет,
Ни семьи, ни дома справного -
Славы ж не было и нет...

Службу бросил он казенную
И любовь пошел искать...
Только бабы – окаянные,
Им ж на подвиги – плевать!

Январь 2019

Шахерезада

Ты отпускаешь меня, да и я не держу –
Иди куда хочешь, и не смотри назад,
Плавают мысли в сдержанном дежавю,
Уйти бы в море, с тобой, капитан Синдбад!

Дома, в глуши, томится весь твой гарем.
Мертвым сочтут, пропавшим который год.
Я буду юнгой, и твой корабельный плен
Сведет на нет тяжесть прежних забот.

Уйти бы в море, а? Капитан Синдбад,
Я умею плести венки из красивых слов.
Хочешь, я сочиню для тебя неземной рассвет,
Пока здесь, на суше, не наломала дров.

Ты отпускаешь меня, да и я не держу –
Плыви куда хочешь, ищи идеальный мир.
Я не могу, скрывшись под паранджу,
Ждать годами, когда вернется кумир.

Уйти бы... К черту, свой снаряжу фрегат.
Да, убегай. В дебри райских земель.
Я озарю кровью лихой закат -
На всех парусах мимо севших на мель кораблей...

Так то вот, милый... Прощай, капитан Синдбад.
В сеть моих сказок пойман, халиф в плену.
У этой притчи будет плохой конец,
Твой корабль сбивается с курса.
Камнем идет ко дну.

Я устала ловить обрывки, сплести суровую нить,
Снова Атропос рвет пряжу твоей судьбы.
Ты ведь не хочешь вниз по течению плыть -
В моем рассказе томится горечь
неотвратимой беды.

Поздно просить. Не вяжется хэппи энд.
Ты мог бы давно умереть – тысячу раз.
Сегодня Синдбад, я тороплю рассвет.
И завершаю прерванный свой рассказ.

Тысяче первый, дозволенной речи бред -
Я вдруг запнусь, не подберу слова.
Казните, халиф, я потеряла дар -
Моя любовь, в который раз,

в сказке моей умерла...

Июль 2008

Искушение

Сегодня луна безумна -
Белело лицо от гнева.
Я бедный простой игумен,
Прекрасная королева.
Мне исповедь ваша камнем,
Легла на больное сердце,
Орган наполняет башню
Звучаньем минорных терций.
Лица я не видел краше,
И мыслей не знал чернее,
А вы, загоревшись блажью,
От мыслей греховных млели.
И медоточивой речи
Внимал я, умом смущенный,
На блюде главу предтечи
И то бы подал покорно.
Истерзанный сладкой пыткой,
Не ведавший жизни вкуса,
Я жертвою пал в попытке
Бороться с ее искусом.

Сегодня луна безумна...
Я выстоял, бог свидетель!
Вы рвали на лютне струны,
И шнур из корсажных петель.
Орган наполнял минором
Истекшее кровью сердце,
Себе я казался вором,
С ключом от заветной дверцы.
Но горек был плод победы -
Белело лицо от гнева,
Вы были в плену Эреба,
Прекрасная королева.
А я, подарив свободу
От сует мирских и плоти,
Я – самый последний грешник,
О душах чужих в заботе.
Я плачу над хладным телом,
И нет избавленья муке,
А ваша улыбка, Белла,
Застыла. Лилейны руки.

Сегодня луна безумна,
Пурпуром окрашен мрамор,
Я бедный простой игумен...
И... как же идет вам траур...

Я был не достоин, Боже,
Ни ваших даров, ни гнева,
Мне исповедь не поможет,
Прекрасная королева.
Искал я спасенье в вере,
И в это слепом смиренье,
Как раб над веслом галеры
Склонялся, страшась прозренья.
Я больше терпеть не в силах,
Как червь мою душу гложет,
Ушел бы вослед за милой -
И рвется стилет из ножен.
Но нет наказанья хуже,
Чем вечно терзаться пыткой,
Что больше в дворцовой стуже,
Не вспыхнет ее улыбка...

Май 2007г.

Баллада о старых парусах

Паруса моей шхуны давно безнадежно черны,
Роджер лыбится с флага шербата-свирепым оскалом,
Море пахнет свободой одной неоткрытой земли,
Пропустив пору юнги, я смело шагнул в капитаны.
Я хватаюсь за шпагу, взвожу револьверный курок,
Я считаю мгновенья до шанса вступить в перестрелку
Я – не воин, я – не дуэлянт, ... не стрелок.
Ставит на кон судьба не брильянты – сверканье подделки.

Паруса моей шхуны, когда-то багрянил закат.
Я играл с самой смертью и плел записные интриги,
Я не верил в любовь, был, возможно, излишне богат,
Никогда не прощал, и рядиться не жаждал в вериги.
И под парусом алым хотел бы вернуться к Ассоль,
Я готов был шутить с провиденьем в бессмысленной сказке,
Но на раны ты сыпешь крутую, осколками, соль,
Ты жестока со мной – я сгущаю на парусе краски.

Паруса моей шхуны, когда-то вы были чисты,
Белый шелк надували ветра перед мысом Надежды.
Я был юным. В созвездии южном сияли кресты -
Были мысли чисты, благородны и благостны прежде...
Я под парусом белым недолго ходил по морям,
Мне менять надоело кричаше-цветастые флаги,
Я не мог служить верой правителям и королям,
Даме сердца и той – никогда. Рыцарь кубка и драги.

Паруса моей шхуны... Да, к черту, была бы цела
Моя шхуна, команда, моя голова да удача.
Я давно не вел дел, но ведут за собою дела,
Джентльмены не смотрят назад, и, конечно, не плачут.
Паруса-паруса... И костляво-обугленный флаг.
Тлеют кости на рее, а море ворчит полусонно.
Я не помню в лицо тебя даже, смертельный мой враг,
Но я следую мести, не следуя букве закона.

Паруса моей шхуны. Пора вас давно подлатать.
Вы несли как на крыльях корабль мой от шторма до штиля,
А у той каравеллы такая особая стать,
Ее пушки дырявили борт – паруса решетили...
И, быть может, пора бы и мне завернуть на покой.
К той земле, для которой пока нет пометки на карте.
Только я никогда не вернусь, сколь ни жди, за тобой -
Я себя потерял, смысл игры потерялся в азарте.

Паруса моей шхуны. Почить, одиноким как перст,

Вместо савана – черный дырявый отрез парусины,
В неоткрытой земле на песке покосившийся крест
Оборвал мой полет не в пике, много миль недолет до вершины...
Паруса моей шхуны гниют на свободной земле,
Вот рисует ее карандаш на потрепанной карте...
Не ищите сокровищ, не верьте упрямой молве,
Я богатств не копил, я растратил их где-то на старте...

Октябрь 2007г.

Домовой

В опустевшей выстуженной горнице
Домовой запечный горевал,
За проказы заплативши сторицей –
В новый дом хозяин не позвал.
Молоко давно прокисло в блюдечке,
Черствая краюшка на столе,
И забытые под лавкой удочки,
Половик, испачканный в золе.

Отчего же грусть-тоска сердечная,
Одолела после стольких бед?
И такая скука бесконечная,
Будто съехал и не злой сосед,
Будто умер самый милый родственник,
И пора хвататься за суму...
В опустевшей, выстуженной горнице
Неуютно, тошно одному.

Вот сверчок, и тот залез в коробочку,
И незванным увязался вслед.
Даже кот, что уходил в стороночку,
Уступая вкусный свой обед,
Укатил, не попрощавшись мурканьем,
В бельевой корзинке в новый дом.
И мышонок тихий с серой шкуркою
Юркнул в сани с дедом-бобылем.

И шагов задумчивое шарканье
Не тревожит больше дум и снов,
Нет кукушки, только слышно карканье –
Воронья могильно-хриплый зов.
Сам себе хозяин – и не верится,
Без людей такая ж благодать!
И в овине не мычит, не телится,
Не кудахчет, не мешает спать.

Дом трещит, простуженными сипами
В рамы рвется, как к себе, сквозняк,
Во дворе под сросшимися липами
Снег навален по дверной косяк.
Ничего, еще хлебнете горести,
Прибежите к батьке на поклон,
Лапоть-сани поднесете вскорости:
«Едем с нами в наш просторный дом!»

Отчего же, право, не тропятся,

Не со зла же я озоровал?
На стене висела богородица,
Укоризненный лица овал...
А теперь квадраты закопченные
Вместо красного угла икон,
Люди нынче все пошли ученые –
Только жизнь в откос да кувырком.

Как же так, без глазу-то хозяйского,
Без ухода, оберега, жить?
Как счас помню, я бывал и ласковый...
Ну, случалось, путал в штопке нить,
И с какой-то дури я проказничал –
Бил посуду и гремел в печи,
И бывало, в саже перепачканный,
Танцевал при огоньке свечи.

Эх, пора, видать, и мне в дороженьку,
Соберу сейчас нехитрый скарб.
Не люблю я, братцы, ездить в поезде,
Так далече город, говорят...
Там кругом дома многоквартирные,
Словно пчелы в улье все живут,
Домовые там такие смиренные,
В доме чистота, тепло, уют.

Печки нет – кладовка с антресолями,
Ничего, зато какой простор,
Стены сплошь оклеены обоями...
Сам с собой я продолжаю спор...
Там у деда дети, внуки, правнуки,
Что ему тут в хате куковать,
Может, позовут меня на праздники?
Или приглашения не ждать?

Декабрь, 2005 г.

Белая Королева

Королева стоит перед зеркалом,
Представляя себя погребенной
В снежно-белое, скорбное платье.
Была... счастливой, влюбленной -
Все было, но, вот проклятье,
Любовь и власть забрал Господь...
И даже – за что, о, Боже? -
Наследника нет. Супруг предпочел
Королеву жене вельможи.

Недвижим, на ложе застыл король,
Скрутило отравой тело.
Не жалко... Но как не к лицу ей роль
Бывшей, бесправной, белой...
Быть может, это первый министр
Все ж не стерпел позора -
Делить с сюзереном объятья жены,
Хотя ... министр был вором,
Лапу давно запускал в казну,
И не посмел бы, верно...
Король же хотел развязать войну,
Что тоже довольно скверно.

Улыбка его ослепляла дам,
Он весь утопал в их лестях,
И комплименты другим расточал,
Забыв о своей невесте...
Да, за спиной шептался двор,
Смешок за смешком ей в след,
Но слова не смела сказать в укор -
Отпор шутникам в ответ.

Престол племянник теперь займет -
Уж не его ль рук дело?
И чахнуть одной из года в год
Вдове под одеждой белой...
И даже самый ничтожный лакей,
На зов не придет. Что же:
Сдаться, и жить, поджидая смерть?
Несправедливо, Боже!

Эка величество перекошило -
Будто ухмылка на роже...
И этот новый придворный шут,
Как две капли с супругом схожий...
Влюблен... Точно, влюблен-влюблен!

Скрывает – но так неловко,
Вот кто достоин быть королем,
А мертвецу – обновка:
Колпак с бубенцами и пестрый наряд
За все за его измены,
И кто бы ему ни подсыпал яд,
Тихонько сойдет со сцены.

Двор погрузился в печаль и сон,
Кто будет смешить в обед?
Шут отравился вчера вином,
Шута же другого нет...
Король с королевой взгрустнули чуть,
Но с прежней, небрежной статью,
Шутя, велел государь шута
Хоронить в королевском платье.

Октябрь, 2003г.

Галатея

Из огней бессонной ночи
Провалиться в сон дневной -
Я шепчу ли твое имя,
Ты ли слышишь голос мой.

Волшебство роняет тени -
Многоцветный сна ковер
Соткан из любви мгновений
Под гитарный перебор.

Эльфов мотыльковый танец -
В лунном свете круг за круг,
Предзакатный померанец
Заливной окрасил луг.

В колдовстве бессонной ночи
Едва слышный робкий хор,
В долгий ящик холст и кисти -
Сам с собой веду я спор.

Мой очаг роняет искры –
Дым весеннего костра,
Из любви или корысти
Я очнусь для волшебства.

Не для козней и знахарства –
Приворот для баловства.
Я вложу свое коварство
В твои нежные уста...

Снега белого белее
Мраморный твой силуэт,
Я влюбился, Галатея,
Я молюсь на твой портрет.

Я вдохну в тебя сомненья –
Провалившись в сладкий сон,
В предвкушении немея,
И гордыней ослеплен.

Жду – вздохнешь, стряхнешь накидку,
И покинешь постамент,
Тенью неземной улыбки
Принимая комплимент.

Ты останешься ль в убогой

Мастерской? Студийный зал,
Где подчас почти что с богом
Ровней я себя считал...

Или предпочтешь покою
Пышность шумную дворца?
Ты уходишь, Галатея
От влюбленного творца...

Февраль 2007г.

Крысолов

Чары флейты влекут нас. И в полночь встревожен маяк,
Топот тысячи лапок волною по городу серою.
Мы уходим за море. А дудочник... – что за дурак!
Для него – эшафот, возведенный за старой таверною.

Там, на пристани, ждут корабли вожаков наших стай.
Набиваемся в трюмы, провизии хватит с избытком,
Из тебя бы флейтист получился б лихой капитан,
Но петля оборвала и песню твою и улыбку...

Твоя флейта сулит нам богатства заморских земель,
Прочь из нор горожан, и долой с зачумленных подполий,
В корабельной романтике, сев на широкую мель,
Мы не жаждем делить с вами юдоль печали и боли.

Наш гонимый народ видит в грезах тропический рай,
Изобильный плодами – и мы устремляемся в гавань.
Ради славы в веках, эй, флейтист, веселее играй!
Гамельн не для тебя, ни к чему возвращаться... Эй, парень!?

Надрывается дудочка, спит обветшалый маяк.
Город тих и безлюден, и статуей окаменелюю
Ты стоишь у часовни и ждешь провидения знак -
Твоя серая паства, в тебя без сомнения верует...

Так играй же, флейтист! Почему ты угрюмо молчишь?
Человечья толпа – чем тебе не безмозглое стадо?
Это кажется только, в тумане мерещится лишь...
За наградой, туда возвращаться уж точно не надо.

Будет серое утро, уныло прозрачный рассвет.
Волшебству приговор оглашен и принят к исполнению.
Ради славы в веках, даже смерть не нарушит обет -
Подвиг с мезтью смешался на память других поколений...

Через месяц, когда в полнолунье вода высока,
Ты поднимешься в город, восстав из подводной могилы -
Твоя флейта взорвется, играя на все голоса,
Неземные, нездешние, в ночь выпуская мотивы.

Чары флейты влекут, будет в полночь встревожен маяк,
Будут спать горожане, своей осененные верою.
Только детские сны посетит очарованный маг -
И по городу снова волна за тобой очумелая...

Обветшал эшафот, город честно очищен от нас.

Наши норы пусты, но и Гамельн не радостен боле.
Мнился гордым фрегатом прогнивший дырявый баркас -
И на всех парусах ваши дети ушли вдаль, за лучшей долей.

Надрывается дудочка, спит обветшалый маяк,
Город тих и безлюден и статуей окаменелюю,
Ты встречаешь рассвета последний приветственный знак,
Разрушающий чары, в шторма уходящей галерюю.

Июль 2008

Вариации на темы спящих красавиц

Вы спите, моя королева,
В холодном стеклянном гробу -
Под пологом из львиного зева
Покой ваш и сон берегу.
И склепа зеркальные стены
Укрыты в зеленых холмах,
Сходя незаметно со сцены,
Не нажил я славы в веках.

Вы спите, моя королева,
На скулах румянца пожар...
Я спас вас от смерти и тлена,
Ваш преданный рыцарь Жерар
И следуя призрачной тенью
За вами в кривых зеркалах,
Теряюсь я в хитросплетенье
Интриг в иллюзорных мирах.

Вы спите, моя королева,
И где-то в далекой стране,
Живя без печали и гнева,
Без страха... но только во сне...
Когда-нибудь, в смутном волненье,
Как в омут, нырнув в коридор,
Я буду искать утешенье
Средь ваших зеркальных сестер.

Вы спите, моя королева,
И в вашем несбыточном сне,
Рефреном чужого напева
Тоска по нездешней весне.
Грядут ли в стране перемены,
Страстей вас не трогает жар...
И в грезах, моя королева,
Навеки ваш рыцарь Жерар...

Декабрь 2007

Ярославна

Я с тобой прощался, Ярославна,
Ни заря, ни свет – в полночной мгле.
Ждать клялась – а я, святая правда,
Помнил лишь, что Родина в беде...

В рушнике терялись злые слезы.
Стонешь в голос – сбросив спесь и статью.
Рано хоронить еще, родная,
Чай, не вечно князю пировать...

Верю я – Победа любит правых,
А на сердце тошно – мнилось мне,
Как ты плачешь над бескровным телом
Где-то там, на городской стене...

Исхудалый лик на темном стяге,
Ночь мрачна, беззвездна и тиха.
Я бы рад сейчас забыться в браге,
Да не время тешить потроха...

Сон ли вещей, или бес лукавит –
Только нынче мне не выбирать...
Ты прощай, душа моя... Пора ведь...
Не грусти. Давно заждалась рать...

Вражий стан так близко – и далече,
Да недобрый голос шепчет мне:
“Будешь гнить ты, княже, в буераке,
Слыша плач на городской стене...”

Черный ворон, смерти провозвестник,
Не кружи над буйной головой,
Хоть и князь – я воин не последний!
Я вернусь, мне это не впервой!

Вот рассвет багрянцем лижет тучи,
Истекают кровью небеса.
Краткий взгляд назад... Ведь я везучий!
Холм, березы, речки полоса...

И опять настырное виденье –
Привкус пепла. Купола в огне.
Приглушенный ветром Ярославны
В голос плач на городской стене...

Май, 2001г.

Виллиса (сказка)

Хутор-невеличка прямо у реки,
Жили не тужили две родных сестры.
Спорилась работа в сев и сенокос,
Прибраны светлицы в зной да и в мороз.

Настя и Дуняша – на снегу заря,
В девках засидеться не грозит беда.
Девочки-красотки – не разлей-вода,
Старшая бойчее, младшая – нежна...

Зачастил к сестрицам парень из села,
В помощь иль в помеху с утра до темна.
Младшая – Дуняша искоса глядит:
Настя уж на зорьке у окна сидит -

Вышивает, вяжет, шьет или прядет,
Смотрит на дорогу: милый не идет?

До чего же ночки летом хороши.
Спят в саду цветочки, в поле ни души.
Шепчет ей Михайло нежные слова,
Будто бы в дурмане кружит голова...

Яблочки румяные в церкви светит Спас,
А Михайло месяц уж не кажет глаз.
Погуляли славно за реку да в лес,
Отчего ж влюбиться вдруг попутал бес?

Вдруг к сестрицам гости – сваха бьет поклон
В красный угол села – весь осмотрен дом:
– Есть у вас товары, а у нас купцы -
Парни загляденье – просто молодцы!
Старшую красотку приглядел вдовец,
А Дуняшу выбрал молодой кузнец...

Дуня, розовея, будто расцвела,
Что ей люб Михайло вид не подала.
Разве ль ждала счастья, хоть кузнец и мил,
Но сестрице старшей все цветы дарил?

Побледнела Настя словно полотно -
Все кругом в тумане и в глазах темно.
Сваха, удаляясь, спешно крестит лоб,
Насте будто выпал не венец, а гроб.

Ходит, как хмельная, Настя целый день,
На чело тревога положила тень.
Дуня вся сияет, весело щебечет.
Погубил голубку быстрокрылый кречет...

Уж давно стемнело – Насти не дозваться.
– С кем же ты сестрица пошла миловаться?

На реке стремнина – в омутах темна,
Что ж ты, Настя, бродишь вдоль реки одна?
– Эх, сестра-сестрица, холодна вода,
Доля наша бабья – до чего горька...

Хмель, зачем под ветром стелился ковром?
Может, это было только чудным сном?
Рожь, зачем скрывала, нас от чуждых глаз?
Нет, сестра, не будет счастья и у вас...

Нам зачем светила, полная луна?
Что ж тебе, Михайло, стала не мила?
Ты зачем так клялся мне в любви у ног,
Видно не напрасно, утонул веноч...

Девичьи надежды приняла река,
Так пускай и домом будет мне вода...

Отложили свадьбу Дуня и Михайло:
В трауре невеста – никому не тайна:
Утонула в речке милая сестрица,
Может, шла купаться, а может, топиться.

Был ли не по нраву суженый-вдовец,
По другой ль причине – не скажет кузнец.

Уж весна настала – шел по речке лед.
Пара молодая за рекой живет.
Живут душа в душу, в доме мир и лад,
Старое не помнят, не глядят назад...

Слух прошел по селам, будто неспроста
Завелась виллиса в речке у моста.
С заунывной песней жуткою своей,
Запрягает будто в ладью лебедей.

Рыбаков русалка манит по ночам,
Волосы все в тине по белым плечам.

То как плоть живая, то скользит как тень,
И в тумане тает, лишь наступит день.

Из черемух белых все плетет венок,
И кого-то страстно по ночам зовет.
И нагая пляшет на речном песке,
И венки пускает по рябой воде.

Уморила лаской, пришлого купца,
У купальщиц юных платья увела.
А лишь только выйдет полная луна,
Плещется в стремнине будто вся из льда.

Светится сквозь тело поросль раки,
Когда та виллиса на мосту сидит...

Шепчутся в деревне, что русалка та -
Вылитая точно Дунина сестра,
Настя, мол с виллисой на одно лицо,
Знать не зря в водице не нашли ее...

Кто-то и Михайле рассказал о том -
Больше не забыться ему сладким сном.
Только ночь наступит, верь или не верь -
Кузнецу приснится, что стучатся в дверь,

То в окошко глянет белое лицо,
Или скрипнет тяжко новое крыльцо.

Хмурится Дуняша – ей покоя нет,
Мужу ночь не спится, он встает чуть свет,
Кузница закрыта уж недели две,
Страх и горе глушит парень в кабаке.

Треснет где-то ветка, ветер ль запоет -
Кузнеца ж морозом сразу дрожь проймет.
Сохнет он и чахнет уж совсем не в мочь,
Старая знахарка не смогла помочь.

И священник долго слушал и кивал -
Над мостом молитвы день и ночь читал.

Наконец, решился молодой кузнец,
Как когда-то сплел он из цветов венец,
Лилии и розы – белы лепестки,
Словно для невесты, нежны и тонки...

Лишь стемнело – сразу он пошел к реке,
Видит: белый призрак кружит вдалеке,

Голос слышен робкий: плачет или поет,
Мертвая невеста милого зовет.

Хладные объятия – поцелуев лед,
Эх напрасно Дуня мужа нынче ждет...

Утро было тихим – туман у реки:
Рыбаки Михайло неживым нашли...

Апрель, 1998 г.

Песня вольного стрелка

Пускай зовут разбойником,
Я беден, ну и что ж!
У вольного охотника
Одно богатство – нож.

Нет лучше в мире лучника,
Без промаха лук бьет,
Смелее Робин Гуда
Не знает весь народ!
Грош не звенит в кармане,
Без денег жизнь милей!
Разбойник не боится
Богов и королей!

Всех, кто свободу любит,
Лесные братья ждут,
Шервудский лес любому
Откроет свой приют.
Давно веревка плачет
По шее лучника -
Ни страха, ни упрека
У вольного стрелка.

Дрожит богач проезжий,
Скача через наш лес,
И зов рожка слышав,
Свой проклиная вес.
Стреляем мы оленей,
Ругая короля,
Кинжал сжимает крепко
Разбойная рука.

Бывает рыцарь славный
Находит здесь приют.
У тех, кто дружит с честью,
Кошель, конечно, пуст.
Рожок к губам подносим,
Лейся рекой, вино!
У Робин Гуда верных
Кругом друзей полно!

Натягивай поводья,
Послушный мой скакун,
Пусть кровь играет в жилах,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.